

ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П.Е. АСТАФЬЕВА

Изучение русской религиозной философии XIX-XX веков, ставшее возможным лишь в конце XX столетия ставит перед современными исследователями все новые и новые задачи. Как правило, внимание исследователей привлекает та или иная концепция, идея или мировоззренческий комплекс мыслителя. Но в последнее время наметилась тенденция персоналогического подхода в изучении отечественной философской мысли, где идеи философа неразрывно связываются с особенностями его жизненного пути, мысль понимается как продолжение личной жизни и, соответственно, земное существование философа рассматривается сквозь призму его мировидения. В таком контексте широкое распространение получило изучение наследия В.С. Соловьева, мысли которого, историки отечественной философии уже не могут отделить от его личных переживаний.

В то же время, пристальное внимание к русской самобытной религиозной философии в конце XX века высветило проблему слабой изученности современными исследователями целой плеяды мыслителей XIX-XX веков. Современные историки философии лишь на рубеже XX-XXI вв. обратили свой взор на представителей академической религиозной философии, заново открывая имена П.Д. Юркевича, арх. Феодора (А.М. Бухарева), В.И. Несмелова и М.М. Тареева. Вероятно, еще только предстоит исследовать труды религиозного философа XX века Н.Н. Фиолетова. Совсем недавно, рядом опубликованных работ, внимание историков русской философии было привлечено к философским взглядам *Петра Евгеньевича Астафьева* (1846-1893). Особый интерес представляют философские труды П.Е. Астафьева в контексте ставшей сегодня актуальной проблемы русского национального самосознания, духовных ценностей и национальных интересов России.

Опуская подробности жизненного пути П.Е. Астафьева [1] обратим внимание на его философско-мировоззренческую позицию, основы которой были заложены при изучении курса наук на юридическом факультете Императорского Московского университета. Особо отметим, что его философские взгляды формировались под руководством П.Д. Юркевича и Б.Н. Чичерина.

Первой философской работой П.Е. Астафьева становится монография «Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь)» опубликованная в 1873 г. в Ярославле, где он преподавал гносеологию, этику, психологию в Демидовском лицее с 1872 по 1885 гг. Выступая против «монизма» и отстаивая «дуализм», Астафьев предстает русским кантианцем, полностью соглашаясь с Кантом в независимости от мысли бытия и заявляет, что Кант «своим дуализмом спас, таким образом, не только нравственный закон, но и закон науки, - и мысль» [2].

В этой же работе намечается и антропологичность взглядов Астафьева. Определяя задачи философии «как оценивающего и дуалистического самопознания», он утверждает «ценность самопознающего бытия вообще» и развивает эту мысль в работе «Вера и знание в единстве мировоззрения».

Сочетая в себе кантианство рациональное и убеждение в обусловленности «полноты сознания» и «полноты чувств», особо «полнота чувств» определяет «полноту сознания» в философско-социологических и исторических воззрениях П.Е. Астафьева. Собственную же философскую деятельность он рассматривал как участие в разработке русской национальной философии, призванной осуществить «истинный идеал философии, синтезирующей ум, чувства и волю, истину, красоту и благо» [3].

Вера во всемогущество разума приводит, по мнению П.Е. Астафьева, к созданию космополитической общины. «Самодовольство и самодержавие космополитического рассудка - вот главный признак созревшего для идеального благоденствия, достигшего последних высот прогресса человечества!» Астафьев подчеркивает антиисторический характер прогресса и противопоставляет ему естественный ход истории, смысл которой просматривается в выходе из

«рационалистического, космополитического, уравнительного и автоматического строя жизни» отрицающего предание, традиционную веру, национальность [4].

Работа «Смысл истории и идеалы прогресса», содержащая неприятие теории прогресса и поиск смысла истории как пути развития человечества несет в себе протест мыслителя идее прогресса, приведшего мир к глубокому недоверию личности, которой свойственны как ошибки, так и гениальные прозрения. Иррациональные свойства личности не устраивают адептов прогресса и поэтому, для новейшего времени стало характерно измельчание внутреннего человека и накопление внешних благ. Идеалы прогресса декларируются как универсальные для всего человечества - отсюда космополитизм прогресса, господство равенства, что является концом развития и концом самой истории.

По-видимому, такое понимание истории привело П.Е. Астафьева к неприятию идеи «всеединства» Вл. Соловьева, что нашло отражение в работе «Национальность и общечеловеческие задачи» впервые вышедшей под названием «Национальное самосознание и общечеловеческие задачи» в журнале «Русское обозрение» за март 1890 г. Поводом для написания работы стала книга Вл. Соловьева «Национальный вопрос в России». Астафьев достаточно резок в оценке Соловьева. «Вл. Соловьев, - пишет П.Е. Астафьев, - настаивает на идее человечества как живого целого (а не как отвлеченного понятия и не как агрегата), относящегося к народам как тело, целый организм - к своим органам. Такое представление об отношении человечества к своим органам не только не заслуживает названия “идеи” или “понятия”, но и как образ, уподобление крайне натянуто и фальшиво». И, уже отвечая на критику Соловьева статьей в «Русском вестнике», Астафьев пишет, что «русский народ всего лучше послужит (человечеству) и общечеловеческим задачам, оставаясь верен своему духу и характеру» [5].

Полемика разгорается вокруг критики Соловьевым книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», с идеями которой Соловьев был явно не согласен. П.Е. Астафьев вступая в эту полемику со статьей «Национальное самосознание и общечеловеческие задачи», высказал ряд соображений в пользу самостоятельной ценности идеи народности, лишь параллельно защищая концепцию Н.Я. Данилевского.

Основой полемики философов был вопрос о соотношении народности и человечества: противостоит ли одно другому и что является более важной общностью для человека? Фигура П.Е. Астафьева и его философские взгляды для современных исследователей остаются «*terra incognita*». Между тем, консерватор Астафьев может быть назван в числе тех философов второй половины XIX века, чьи взгляды на проблемы национальности, национального духа и национальной философии более соответствуют эмпирико-феноменологической данности, чем социальные утопии философии всеединства.

То, что Астафьева не замечали при жизни и замалчивали после смерти, можно объяснить «редчайшей тенденциозностью либерально-интеллигентского слоя в России» [6]. Весьма показателен тот факт, что в примечаниях Н.В. Котрелова и Е.Б. Рашковского к собранию сочинений Вл. Соловьева 1989 г. Петр Евгеньевич Астафьев назван Павлом Егоровичем, и к тому же, указана должность цензора, которую он занимал до того, как вступил в полемику с Соловьевым, о которой идет речь, и в это время состоял в должности приват-доцента философии Императорского Московского университета [7]. А комментарий к статье Соловьева «Сознание и самодовольство?», в которой Соловьев полемизирует с Астафьевым, составлен тенденциозно и не в пользу последнего. При этом сама статья, безусловно, заслуживает тщательного анализа, из которого может проясниться весьма слабая позиция автора. Кроме того, оскорбительный, поучающий тон Соловьева никак не делает ему чести. Более того, Владимир Сергеевич, говоря о сознании как психологическом феномене, вдруг подменяет его бытовым значением в собственной, далеко не лучшей интерпретации [8].

Не склонный к компромиссу в вопросе о значении национальности (тем более русской!), П.Е. Астафьев критикует и союзника по многим пунктам своего мировоззрения К.Н. Леонтьева за

статью «Национальная политика как орудие всемирной революции» в своем «Объяснении с г-ом Леонтьевым».

Как считает М.Б. Смолин, спор о национальности Вл. С. Соловьева, К.Н. Леонтьева и П.Е. Астафьева явился определенным этапом в истории русского самосознания. Он стал некоей самостоятельной, самоценной частью в большой полемике о славянофилах, ведшейся в печати в 80-х - начале 90-х годов XIX века и во многом определившей идеологические полюса русского общества [6].

Неудивительно, что в глазах «передовой общественности» П.Е. Астафьев выглядел консерватором и ретроградом, особенно в контексте его полемики с одним из идеологов сионизма М. Нордау.

По воспоминаниям его лицейских учеников, П.Е. Астафьев был в «высшей степени живой, сердечный, удивительно чуткий и отзывчивый человек, истинно просвещенный и многосторонне образованный, и притом человек русского склада ума и характера» [9]. О степени развития его кругозора говорит и одна из серьезнейших его работ в области психологии «Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки».

Среди достоинств П.Е. Астафьева можно отметить сочетание научности и публицистичности. Кроме всего прочего он был музыкален и говорил своим близким: «Если бы я не был философом, я был бы музыкантом». В этой связи интересна одна из статей Астафьева, где свои познания в области музыки он сочетает со своей позицией русского философа.

«Общество, которое не знает и не ценит своей литературы или своего искусства, находится в том же положении, как общество, в котором вовсе нет этой литературы и искусства, вовсе нет своих собственных самобытно-творческих сил...» [10]. Так начинается он сравнительно небольшую статью «Народность в музыке», опубликованную в газете «Московский листок» за 1892 год. Написанная по поводу юбилейных постановок на московской сцене опер М.И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила» статья является, по сути, манифестом национально-философских воззрений автора, обратившегося к музыке, как наиболее яркому и доступному пониманию виду искусства.

Музыка, по мнению Астафьева, настолько же глубже и полнее других искусств захватывает самую внутреннюю субъективную и индивидуальную сторону нашей душевной жизни и деятельности, насколько чувство субъективнее и индивидуальнее мысли, выражаемой в произведениях слова, и образов, проникающих в сознание средствами других искусств. Отвлеченная мысль и объективные образы из арсенала других видов искусства гораздо менее индивидуальны, считает философ.

Музыкальное выражение душевных движений гораздо глубже, ярче и характернее выражает именно индивидуальные особенности душевной жизни, чем отвлеченные идеи, общие мировоззренческие образы внешнего мира и человеческой жизни, живописи и зодчества, - утверждает П.Е. Астафьев. По его мнению, значение музыки в нашей душевной жизни и связь ее именно с индивидуальным настроением этой жизни основано на самой особенности ее восприятия душой. В чем же эта особенность? Да в том, что в восприятии музыкального произведения душа совершенно лишена свободы и самостоятельности. Благодаря динамике, смене звучания, мы чувствуем субъективное настроение автора и не можем выйти из характера или субъективного настроения композитора, возбуждающего субъективное настроение в душе слушателя. Музыка должна рождать не образ или мысль, а чувство или настроение. В этом созвучны мысли Астафьева и А. Шопенгауэра, видевшего задачу музыки в изображении чувств (радости, скорби, благоговения и т.д.) самих по себе, в их собственном существе, независимо от каких-либо внешних и случайных поводов, предмета и цели.

В 1978 году в работе «Основной вопрос философии музыки» по этому поводу высказывался и другой русский философ. По выражению А.Ф. Лосева, то внутреннее волнение, которое доставляется нам музыкальным феноменом, всегда и везде, у всех народов и племен и в любые исторические эпохи совершенно не сравнимо с тем эстетическим впечатлением, которое мы

получаем от немusыкальных предметов. И это внутреннее волнение, считает Лосев, человек переживает потому, что музыка дает не какой-нибудь, устойчивый образ, а передает динамику образа от происхождения, через его возникновение тут же приводя к исчезновению [11]. Понимая это, Астафьев критикует Л. Толстого, в «Крейцеровой сонате» негодующего на самое существо музыки - по мысли писателя, то ее воздействие на душу, которое мнится Льву Николаевичу беспредметным и бесцельным [10].

Для Астафьева кажется совершенно неприемлемой эстетическая концепция философии музыки Рихарда Вагнера. Как известно, центральной идеей Вагнера в трактате «Произведение искусства будущего является идея единства всех искусств и их окончательного предельного синтеза. Подобный синтез приведет к созданию устойчивого образа. Более того, эстетика стесненного и безвыходно чувствующего себя индивидуума влечет за собой рождение образа. В этом Астафьев находит опасность для музыки как эстетического феномена. Он убежден, что начав живописать и рассуждать, стремясь возбуждать в душах уже не настроения, но представления, ощущения и мысли - как стремится Вагнер и его школа - музыка лишает себя возможности выполнить свою высочайшую идеальную задачу - очищать наш внутренний мир от всяких примесей из чуждой ему случайной жизненной обстановки. В погоне за образом и представлением музыка неизбежно поступится тем, что составляет ее настоящую силу [10].

Закономерным является для Астафьева и то, что в отказе от задачи возбуждения и создания субъективного настроения, музыка лишится своего главного содержания, которое делает ее наиболее субъективным, а потому и наиболее выражающим особенности национального характера из всех искусств. И эти глубокие особенности философ склонен видеть в настроениях, чем в понятиях и представлениях людей.

Музыку М.И. Глинки П.Е. Астафьев называет музыкой цельного, глубокого и всесторонне выдержанного настроения. В его произведениях видится своеобразие настроения, характерное для русского народного духа.

Подводя читателя к национальным особенностям музыки, Астафьев напрямую противопоставляет Глинке Вагнера. Действительно, как подметил А.Ф. Лосев, Вагнер всегда восторженно призывал к музыкальному универсализму. Его интересует не какая-нибудь отдельная и односторонне национальная музыка. Его интересует общечеловеческий характер музыки. В творчестве М.И. Глинки П.Е. Астафьева восхищает полная противоположность - народный характер его музыки, отраженный в ее оригинальности как в отношении мелодии, так и в отношении гармонии и ритма, основных характерных черт русской народной песни, созданной народным духом.

Проблема национального духа, разрабатываемая П.Е. Астафьевым на протяжении всего творческого и жизненного пути, затрагивается как в философских, так и в публицистических работах. В концепции «национального духа» П.Е. Астафьева, как самореализующаяся интенция, находит выражение и сам национальный дух, проявляясь в форме рефлексии метафизических основ национального самосознания. «Этот дух и вызывает, и ведет умственную или творческую работу ученого или поэта», – пишет Астафьев, считая национальный дух необходимым условием «действительно творческой духовной работы». Национальный дух представляет «определенный, особенный облик, недоступный никогда полному, совершенно точному подражанию того, кто им не проникнут» [3]. Это положение П.Е. Астафьева созвучно мысли, высказанной несколько ранее Ю.Ф. Самариным в статье «Два слова о народности в науке». В ней автор не ставит под сомнение то, что «русскому, потому что он русский, ... дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроется яснее и полнее» чем французу, даже овладевшему не только русским языком, но и «массою материалов, какой никогда не располагал ни один русский ученый» [12].

Национальный дух, по Астафьеву, не только условие творческой деятельности, но и основа национального самосознания, а, следовательно, и национальной философии.

Философские описания П.Е. Астафьева не издавались более ста лет. Читая их сегодня, вдумываясь в написанное более века назад по иному воспринимаешь философскую ситуацию конца XIX века. И напрашивается вывод - ситуация «серебряного века» и рождение «нового религиозного сознания» была невозможной без умственного труда таких философов, как Петр Евгеньевич Астафьев.

Библиографический список

1. Астафьев П.Е. // Русская философия: Словарь /Под общ. ред. М.А.Маслина. М.: Республика, 1995. С. 28.
2. Подробно об этой работе см.: Гаврюшин Н.К. Забытый русский мыслитель. К 150-летию со дня рождения П.Е. Астафьева // Вопросы философии. 1996. № 12.
3. Астафьев П.Е. К спору с г-ном Вл. Соловьевым // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 34-35, 55.
4. Астафьев П.Е. Смысл истории и идеал прогресса // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 112-114.
5. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 83, 86, 87.
6. Смолин М.Б. Метафизик и гусар. Забытый мыслитель времен царствования Александра III // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 5, 17.
7. Котрелов Н.В., Рашковский Е.Б. Комментарии // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 712.
8. Соловьев В.С. Самосознание или самодовольство? / Национальный вопрос в России. Вып. II // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 592-593.
9. Александров А. Из воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 145.
10. Астафьев П.Е. Народность в музыке // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Москва, 2000. С. 83, 86, 87.
11. Лосев А.Ф. Основной вопрос философии музыки // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
12. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М.: РОСПЭН, 1996. С. 490.